

прогностическая, предупреждающая, всегда находится в поисках объективных ответов на те или иные сложные вопросы. В условиях современного глобального мира только философская культура способна обнаружить грани между иллюзией и реальностью, виртуальной жизнью и истинным бытием. Российский философ Г.Л. Тульчинский в этой связи отмечал: «В истории философии уже неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума... Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма, новой гомодицеи» [4, с.7].

Литература:

1. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима / К. Куманецкий. – М, 1990.
2. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе различных лет / Дж. Оруэлл. – М, 1989.
3. Кара-Мурза, С. Краткий курс манипуляции сознанием / С. Кара-Мурза. – М, 2003.
4. Тульчинский, Г.Л. Гуманитарность против гуманизма / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2008. – № 12.

МИФОЛОГЕМА «РИСКА» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

М.Н. Мазаник, г. Минск, Беларусь

Категория риска активно проникает в социальные науки с начала 1970-х годов. Не останавливаясь подробно на социокультурном контексте дисциплинарной институционализации риска, следует отметить своего рода симптоматичность такого интереса именно для периода теоретико-методологического кризиса западного социального познания, связанного, в свою очередь, с невозможностью объяснения с фактуалистских позиций резких социальных и экономических сдвигов. Обычно в качестве основателей «парадигмы рисков» упоминаются У.Бек (автор концепта «общества риска»), Э.Гидденс, Н.Луман, представителей синергетики. Однако сам подход к рискам как одной из основных характеристик современных обществ был запрограммирован не столько удачностью концепта, сколько его «идеологической» приемлемостью для информатизирующихся социально-экономических систем. В «новом настоящем» концепт риска неявно возник именно как мифологема массового сознания, постфактум отрефлексируемая теоретически. Показательна идея У.Бека о рисках как показателе ориентированности общества не на прошлое, а на будущее. Ризику придается статус универсального параметра динамических социальных систем. Существование рисков как фактора стабильности/динамики общества определяются прежде всего удельным весом инновационности в различных его сферах. Претензии

на создание «рискологии» как самостоятельного дисциплинарного направления, ориентированного как раз и демонстрируют наличие социального запроса на подобные исследования.

В то же время нельзя не усомниться в оправданности столь радикального акцентированного внимания к рискам как социальному факту. Рассматривая риски в контексте образа жизни «условного» современного человека, очевидно, что они имеют для него условный, виртуализированный, социально сконструированный характер. Как правило, риски – атрибут массовой культуры, в том числе сообщений СМИ, а не актуальный факт жизни. И в этом плане представляется возможным говорить о рисках и их исследованиях как мифологеме.

Применительно к современным обществам термин Н.Лумана «контингентность» – отсутствие жестких рамок существования, потенциальную изменчивость и, соответственно, их «рисковый» характер – является очевидно работоспособным. Риски в природной и технологической сферах существуют как данность. Но обращает на себя внимание высокая ригидность социальных структур при всей их внешней инновационности. Это позволяет подвергнуть сомнению теоретико-методологическую ценность и правомерность использования концепта риска именно по отношению к так называемым социальным рискам.

Проблематичность использования «рискологических» концепций применительно к социальным процессам и явлениям связана, разумеется не с тем, что рисков в социальном мире как формы нелинейного перехода к будущему состоянию не существует. Она связана со сконструированной мифологией рисков, во многом размывающей образы реальных рисков. Более того, мозаичность и диффузность сознания современного человека провоцируют возможность «самореализующегося пророчества», затрагивающего внерисковые зоны социальной жизни.

Касаясь ценностного содержания рисков, можно увидеть, позиционирование их значимости для массового человека во многом опирается на такие моменты, как возможность выигрыша/проигрыша. Абсолютизация этих принципов нередко приводит к своего рода «дилемме смертника»: утрате объективности восприятия.

Такие эффекты хорошо заметны в конструировании современных мифов об «электронной демократии», «умной толпе» и т.п. Осознанное формирование картины риска как возможности выбора позитивных последствий активно пропагандируется в создании мифов о коммуникативном характере событий на Филиппинах и Ближнем Востоке. Риск в подобных случаях становится инструментом манипулирования массовым сознанием. Особенно показателен пример риска в конструировании «проблемы 2000 года», когда особенно наглядно

проявилась возможность мифологизации в том числе технологических рисков.

Подводя итог, обратимся к известной формуле: «Риск = Опасность + Динамическая адаптация». Возникающий соблазн заняться перестановкой ее слагаемых демонстрирует, что тематика рисков, несомненно, значимая и актуальная, зачастую сводится к созданию искусственных, иллюзорных конструкций. Утрированная апелляция к рискам предполагает прежде всего наличие определенного типа мышления. «Потребление» рисков – и повседневно-бытовое, и дисциплинарное – зачастую искажает реальную картину, превращая риски в метафору, а не предмет исследования. Перспективы этой проблематики зависят, прежде всего, не от ее фетишизации, а от целостности аналитического подхода.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА МЕЖДУ КРЕАТИВНОСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ

И.Я. Мацевич, г. Минск, Беларусь

В современных концепциях инновационного развития общества понятие креативности оказывается одним из центральных. Для отечественной гуманитарной мысли оно является заимствованным из западной культуры. В качестве его аналога на протяжении всей истории эволюции отечественных социально-гуманитарных наук использовалось понятие творчества. Для того, чтобы разобраться в смысловых оттенках используемых нами в повседневной действительности слов, обратимся вначале к их этимологии.

Существительное «творчество» происходит от глагола «творити», а последний, вероятно, – от древнегреческого ποιέω – творить, делать, производить [1, с. 760]. Не исключается его родственная связь и с литовским tvėrti – охватывать, огораживать [2, с. 33]. Существует также точка зрения, предполагающая его родство с индоевропейским корнем «tuer» – хвататься, охватывать, обрамлять [3, т. 2, с. 231].

В русском языке понимание и толкование творчества произрастает из греко-византийской культуры, где «творити» изначально было тесно связано с мирской повседневной работой. При этом слово «творить» не имело эгоцентрического смысла реализации собственного замысла, удовлетворения собственного желания, скорее – свершения чужой воли, исполнения чужого желания (которое могло стать и собственным).

Ещё один аспект, который необходимо выделить в этимологии слова «творчество», – связь с теми словами, которые имели значение ограничения пространства. Этот аспект особенно важен, так как с ним связано стремление выделить ГРАНИЦЫ творчества. Для сохранения преемственности определения «творчества» необходимо не потерять в